М. Е. Бычкова

МОТИВЫ «СКАЗАНИЯ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ» В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ СЕРЕДИНЫ XVI в.

40-е гг. XVI в. в России стали временем активной работы над формулировкой идеи государственной власти. Уже в 50-е гг. эта работа воплотилась в ряде официальных документов – Судебнике, Стоглаве, Государеве родословце и др. Чин венчания на царство Ивана (1547 г.) не только стоит в этом ряду, но и стал основой для многих более поздних произведений. В Чине венчания определяется круг основных регалий власти, ритуал их возложения на правителя, что в совокупности должно было свидетельствовать о сакральности наследственной власти московских великих князей и месте России среди других государств Европы.

Надо отметить, что такая идеологическая работа, объясняющая прерогативы великокняжеской власти, предпринималась не впервые: в конце XV в. также разрабатывался обряд возведения на престол наследника Ивана III – Дмитрия Внука (1598 г.); появился первый Судебник 1497 г.; с 70-х гг. XV в.[1] постепенно формулировалась мысль о происхождении Рюриковичей от римского императора Августа и посылке регалий власти русским князьям от императора Константина[2]. Повесть, где были объединены оба этих сюжета, в сборнике 40-х гг. XVI в. предшествует тексту Чина поставления Дмитрия Внука.

Ряд произведений несомненно связан с разработкой Чина венчания на царство Ивана IV. Прежде всего, это самостоя-

тельный рассказ о посылке русским князьям регалий власти от императора Константина, который кроме рукописей помещен в виде текстов и резных картин на Царском месте из Успенского собора Московского Кремля. Эти тексты восходят к Чудовской повести конца XV в. и Сказанию о князьях владимирских.

Трудность изучения текстов этих памятников состоит и в том, что самый ранний список (Чудовский, содержащий Чудовскую повесть), относится к 40-м гг. XVI в., а старший список другой редакции этого произведения – к 60-м гг. XVI в. Можно допустить, что при копировании текстов происходило непосредственное взаимовлияние рукописей, содержащих разные редакции. Кроме того, к 1547 г. была сформулирована официальная идея о происхождении регалий царской власти – посылке даров от императора Константина русским князьям – вошедшая в текст Чина венчания Ивана IV; эту работу можно отнести к 1545–1546 гг. Поскольку все тексты исследуемых памятников содержат рассказ о посылке императором Константином Мономахом даров, регалий власти, официальная версия 1547 г. должна была оказать на него влияние.

В настоящей работе исследуется текст рассказа о посылке даров от императора Константина по четырем произведениям конца XV XVI в.: Чудовская повесть (конец XV в.), Поставление к Чину венчания на царство (1547 г.), тексты царского места из Успенского собора (1547–1551) и Сказание о князьях владимирских.

Упомянутые четыре памятника в XVI–XVII вв. жили самостоятельной жизнью. История создания различных редакций Сказания о князьях владимирских и взаимосвязь практически почти всех сохранившихся списков основательно изучены Р. П. Дмитриевой[3] следует лишь отметить, что в 1555 г. Сказание о князьях владимирских стало главой о происхождении Рюриковичей в Государеве родословце и в составе этой редакции родословных книг существовала неизменной до конца XVII в.[4]

Рассказ о передаче регалий власти Константином Мономахом князю Владимиру Мономаху, как самостоятельное произведение, сохранился в списках XVII в. Однако то, что они находятся сегодня в искусственных коллекциях XIX в., лишает

возможности проследить их историю, а лишь указывает на интерес к этому памятнику в более позднее время.

Еще в рецензии на книгу Дмитриевой А. А. Зимин показал, что одна из редакций Сказания, которую автор назвал Чудовской повестью, является древнейшей и составлена в конце XV в. в связи с венчанием на княжение Дмитрия Внука. Р. П. Дмитриева, имея текст Чудовской повести в двух списках — 40-х гг. XVI в. и XVIII в., естественно, опубликовала ее по ранней рукописи. Однако А. А. Зимин[5] уже назвал третий список повести в рукописи 60-х гг. XVI в. Сопоставление всех текстов трех списков показывает, что редакция, представленная в рукописи XVIII в., является древнейшей и совпадает с рукописью 60-х гг. XVI в., протограф которой был составлен до 1499 г. Тезис А. А. Зимина о том, что ранняя редакция Сказания могла появиться в конце XV в., в свое время поддержали Л. В. Черепнин и Я. С. Лурье[6]

Наименее изученными остались тексты, вырезанные на Царском месте. Вообще история создания и символика этого памятника изучались недостаточно. В начале XX в. ему посвятил большое исследование В. Н. Щепкин[7], который подробно проанализировал памятник, дал его детальное описание, в том числе из более поздних документов, привел тексты летописных сводов XVI в., где есть упоминания о Царском месте. И. Е. Забелин[8] в своей работе привел тексты из сборника 60-х гг. XVI в., где имеются надписи, вырезанные на Царском месте, которые еще в середине XIX в. он нашел в рукописи XVI в. из Публичной библиотеки в С.-Петербурге. Заметка об этой находке была напечатана в журнале «Москвитянин» (перепечатана в 1907 г.).

К символике Царского места позднее обратился Г. Н. Бочаров. Приведя точную дату из Пискаревского летописца о «устроении» Царского места 1 сентября 1551 г. (очевидно, тогда оно было поставлено в Успенском соборе), автор допускает, что в этой записи может быть заключено известие о замене более раннего трона, поставленного к 1547 г., который «мог спустя четыре года обгореть, повредиться или перестать удовлетворять новым требованиям, связанным со всемерным возвеличиванием государя вся Руси» Как полагает Бочаров, требования, служащие подтверждению идеи «о преемственности власти рус-

скими самодержавцами от византийских императоров», были подчеркнуты тематикой рельефов на пластинах, вырезанных на стенках трона, надписями на пластинах и формами самого памятника. Нижняя часть трона, где помещены эти пластины, «восходит к традиции восточных тронов» и созвучна библейскому описанию престола царя Соломона, «которое было хорошо известно на Руси»[10]. Исследование Царского места, проведенное И. М. Соколовой, и публикация текстов, помещенных на нем, дают возможность дальнейшего изучения этого памятника[11].

Коронационный обряд в XVI в. приобрел особое значение. Традиционность этого обряда, в котором веками повторялись одни и те же слова и жесты, который проводился в одном и том же соборе, имела особый смысл при поддержании стабильности королевской власти и придавала легитимность коронующемуся лицу[12]. Представление о сакральности королевской власти, способности правителя к надприродному общению с Богом, развившееся с введением обряда миропомазания католических королей (в некоторых странах даже термин «onkcion» был синонимом слова «коронация»), привело к теории о бессмертии королевской власти несмотря на смертность самих ее носителей – королей. В результате сложилось твердое представление об особом значении коронационных регалий власти, которые возлагались на правителя один раз – в момент возведения на престол. Остальное время они, как символ государства, гарантия его существования, хранились отдельно в королевской казне или в соборе, где совершалась коронация, а доступ к ним был у ограниченного числа лиц. Уничтожение таких регалий свидетельствовало об уничтожении государства как такового. Регалии охотно увозились «в плен» победителями, что, очевидно, свидетельствовало об утрате независимости или присоединении новых территорий.

Во многих христианских странах к XVI в. сложились легенды о происхождении коронационных регалий, их чудесном обретении или даровании высшими силами. Такой была легенда об обретении императором Константином святого животворящего креста; этот крест как символ власти присутствовал среди регалий у правителей южных славян. Легенда о чудесном

обретении существовала и у короны св. Стефана, которой короновались венгерские короли. Такие легенды в более позднее время трансформировались в концепцию короны, олицетворявшей само государство (Корона Польская – его официальное название), которая как символ этого государства чеканилась на монетах (крона).

Определенные черты, связанные с особым отношением к коронационным царским регалиям, были и в Русском государстве конца XV–XVII в. Еще в конце XV в. была создана легенда о передаче регалий власти «даров Мономаха» императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру, что уже свидетельствовало о высоком государственном уровне этих регалий. Тогда же – в 1498 г. – был составлен Чин поставления для наследника престола – Дмитрия Ивановича, внука правившего в то время великого князя Ивана III Васильевича. Чин имел в основе описание обряда коронации византийских императоров и с небольшими изменениями, в основном связанными с появлением новых регалий, просуществовал до 1682 г. – коронации царевичей Ивана и Петра Алексеевичей. Наиболее существенным было введение обряда миропомазания, впервые состоявшегося при возведении на престол царя Ивана VI Васильевича. Принципиальное отличие этого обряда от католической коронации состояло в том, что европейские короли сначала проходили миропомазание и им, уже обретшим сакральность, вручали регалии власти, а в России, наоборот, сначала наследнику вручали регалии власти, и уже законный правитель приобретал сакральность, пройдя обряд миропомазания.

Особое значение в России получила и корона («венец от камене честне»), возлагавшаяся на наследника в момент возведения на престол; именно она была прислана по легенде из Константинополя и получила позднее название «шапка Мономаха».

Большую символику имеет и Царское место (Мономахов трон), поставленное в Успенском соборе Московского Кремля, как полагают исследователи в связи с возведением на престол Ивана Грозного в середине XVI в. В последние десятилетия оно изучалось преимущественно как памятник деревянного искусства. Впервые упоминание об особом Царском месте, на

которое митрополит приводит царя («приим его за десную и поставляет его на царском месте») после возложения на него венца, появляется в Чине венчания на царство Ивана IV[13] Несомненно, при составлении этого Чина использовался более ранний документ 1498 г.: в обоих текстах совпадает не только описание ритуала, проводимого в Успенском соборе, оформления внутреннего храмового пространства, но и основные положения текстов, произносимых великим князем и митрополитом во время коронации. Правда, Чин поставления на великое княжество Дмитрия Ивановича касается только ритуала, то есть описывает, как оформляется Успенский собор, проводится возложение регалий на наследника и как после этого он посещает кремлевские соборы[14].

При оформлении Успенского собора посередине церкви в 1498 г. устанавливается «место большое, на чем святителей ставят», а на этом месте готовятся три стула для великого князя, его внука и митрополита. Посредине церкви ставится налой, «а на нем положити шапка да бармы, да покрыти ширинкою». Стулья для великого князя и его внука покрыты «белыми аксамиты со златом». Возложение регалий на Дмитрия Внука проходило на этом «большом месте», причем великий князь и митрополит садились на стулья, «а внуку стати пред ними у места на вышней степени, не въсходя на место»[15]. Регалии — бармы и шапку — Иван III сам возлагал на Дмитрия. Лишь после возложения регалий с разрешения Ивана III Дмитрий мог сесть на приготовленный для него стул.

При венчании на царство Ивана IV посреди Успенского собора ставили царский чертог — «великое место, на нем же и святители ставят». Чертожное великое место покрывают красной тканью. Так же выстилается дорожка до царских дверей алтаря, около царских дверей возводится «налой с наволокою... велми украшен», на котором «стояти животворящему кресту и царскому сану, святым бармам и венцу». Кроме этого чертожного места, расположенного посередине церкви, «уготовают царьское место на десней стране, и от того царьскаго места постилают червчат постав и до царьских дверей», затем еще на постав настилают «червчатые камки на прохожение царского пути». Эти места и «путь» берегут чиновники «того чертога и царьского

места». О таком Царском месте нет упоминаний в документе 1498 г. Во время коронации действие происходит в трех местах: в чертоге на Ивана возлагают регалии власти – крест, бармы и царский венец, а после возложения венца митрополит берет царя «за десную руку и поставляет его на царьском его месте». Затем митрополиту приносят скипетр, который стоял, прислоненный к налою с регалиями, и он вручает скипетр Ивану со словами: «О боговенчанный царь, князь великий Иван Васильевич! Прийми от Бога вданное ти скипетро правити хоругви великого царства Рускаго, и блюди и храни его, елика твоя сила»[16] Миропомазание происходит перед царскими дверями алтаря.

Для дальнейшего анализа следует выделить два момента: состав регалий власти, возлагавшихся на Дмитрия и Ивана, и упоминание о Царском месте на правой стороне храма. На Дмитрия возлагались две регалии: бармы и шапка. Упоминания о золотой шапке и бармах присутствуют в завещаниях московских князей, начиная с первой сохранившейся до наших дней духовной Ивана Калиты. Сначала они входят в состав одежды великого князя, но постепенно к XV в. передвигаются в состав регалий[17] Причем бармы достаются в наследство младшим сыновьям и переходят в удельную казну, а из нее позднее возвращаются в Москву. Следует отметить, что нигде в тексте Чина поставления 1498 г. нет упоминания о дарах императора Константина, его имя не связано с великокняжескими регалиями.

В рукописи XVI в. Чину венчания Ивана IV предшествует текст Поставления великих князей русских, «откуду бе и како почаша статися на великое княжество». Это рассказ о посылке регалий власти от византийского императора Константина, аналогичны фрагменту Чудовской повести конца XV в., в которой изложена легенда о происхождении русских великих князей от императора Августа. И уже в тексте Чина венчания регалии Ивана VI связаны с дарами императора Константина. Описывая ритуал возложения наперсного креста из древа «креста животворящего» на шею великого князя, автор текста пишет: «что прислал тот греческий царь Констянтин Мономах на поставление к великим князем руским, с бармами и с царьским венцом, с Неофитом ефеским митрополитом и с прочими

посланники»[18], повторяя таким образом текст рассказа о дарах императора Константина.

Перед проведением обряда миропомазания митрополит возлагает на царя «чепь злату аравийского золота, что прислал греческий царь Констянтин Мономах со святыми бармами и с царским венцем на поставление великих князей русских». В тексте Поставления среди даров Константина упоминается «животворящий крест от самого животворящего древа, на нем же распят владыко Хистос», «чепь, от злата аравийска скованy»[19], которые Константин вручает митрополиту Неофиту с епископом и посланником. Совпадение текстов в обоих документах достаточно близкое, чтобы говорить не только о сопоставимости памятников, но и о том, что речь идет об одних и тех же регалиях. Соответственно, в Чине венчания косвенно подтверждается, что коронационные регалии русских царей в свое время были присланы русским князьям из Византии, и «оттоле и доныне тем царским венцом венчаютца великие князи владимерстии, егда ставятся на великое княжение Руское».

Если подготовка чертожного места, где на Ивана IV возлагались регалии, описана подробно: у него 12 степеней, покрытых червцом, проход до царских дверей собора, стоят «две великие скамьи драгими полаволочники», то подготовка Царского места на правой стороне практически не описана, лишь указано, как оформлен «проход» от него до царьских дверей; можно предположить, что это место в отличие от чертожного не надо было сооружать: с правой стороны напротив алтаря в 1547 г. стояло Царское место. Все эти наблюдения подводят нас к тому, что по времени создания и, главное, по своей идейной направленности Царское место тесно связано с комплексом документов, регламентировавших возведение на престол Ивана Грозного, и прежде всего – с Поставлением, предшествовавшим Чину венчания. Мы не можем утверждать, что это тот самый Мономахов трон, который сегодня стоит в Успенском соборе, тем более что летом 1547 г. собор пострадал во время большого пожара.

В исторической литературе утвердилось мнение, что Царское место – это фактически иллюстрация к Сказанию о князьях владимирских: на 12 резных деревянных пластинах, украшающих три его стороны, изображены сцены, описанные

в Сказании, а на передних дверцах вырезан текст – фрагмент Сказания. Это не совсем точно, и соотношение между четырьмя исследуемыми памятниками более сложное, что показывает сопоставление текстов письменных памятников.

Показательна дата – 6496 г., с которой начинаются Поставление и надпись на дверцах Царского места. Здесь текст Царского места близок и к соответствующему месту Чудовской повести по Румянцевскому и Волоколамскому спискам, где также дата – 6496 год. Возможно, эта дата ошибочна по отношению к содержанию памятника, в котором говорится о княжении Владимира Мономаха, но она едина в указанных текстах. Почти полностью совпадает текст Царского места с заголовком Поставления:

Царское место	*Поставление*
А от великаго и блаженнаго князя Владимира четвертое колено правнука его князь великий Владимир Всеволодич Монамах	От великого князя Владимера четвертое колено князь Владимир Всеволодичь Манамах[20]

Далее в Поставлении и на Царском месте идет фраза, отсутствующая в Чудовской повести и Сказании. «Тои убо Манамах (Цар. место: "царь и Манамах") прозвася от таковыа вины». Эта фраза фактически предшествует рассказу о присылке даров от императора Константина Мономаха и объясняет прозвище великого князя Владимира.

Вслед за этой фразой идет рассказ о совете Владимира с боярами; два фрагмента этого текста показывают соотношения памятников.

В Поставлении употреблена форма «князьми своими и боляры и велможи», а на Царском месте и в Чудовской повести по Румянцевскому списку: «князьми своими и боляры и велможами своими»[21], что снова сближает источник текста Царского места с источником Чудовской повести. Текст Сказания («князьми своими и с боляры и велможи») ближе к тексту Поставления. Начало речи великого князя, обращенной к боярам, ближе друг к другу у текстов Царского места и Чудовской повести; текст Поставления ближе к тексту Сказания[22].

Чуд. повесть	*Цар. место*	*Поставление*	*Сказание, 1*
Егда же аз есмь юнейши прежде меня державных и хоругви правящихправославныа великия Руси скипетр.	Егда аз есм юнейшии прежде менее державствовавших и хоругви правящих скипетра великиа Росиа.	Егда аз мал есмь прежде мне царствовавших и хоругви правящих скипетра великиа Росиа.	Егда аз мал есмь преже мене царствовавших и хоругви правящих скипетра великиа Русиа.

Как видно, три текста практически идентичны, лишь на Царском месте вместо определения «царствовавших» употреблено более нейтральное «державствовавших»; и в Поставлении и Сказании «мал есмь», а на Царском месте «есм юнейшии».

Это начало – «егда аз мал есмь» или «есмь юнейший» – необычно. Оно правомерно в текстах Поставления или Царского места, связанных с коронацией Ивана Грозного: ему было 17 лет; но плохо связывается с Владимиром Мономахом, к которому по смыслу памятника относятся эти слова.

В данном случае Сказание и Поставление восходят к одному источнику, а Царское место и Чудовская повесть — к другому. Это же относится к замене слова «державствовавших» на «царствовавших».

В Чудовской повести текст иной, причем разночтения есть в самих списках – Чудовском и Румянцевском. Чудовский: «егда же аз есмь юнейши прежде меня державных и хоругви правящих православныа великия Руси скипетр»; В Румянцевском начало, как в остальных текстах, – «егда аз», а дальше – соответствующее место «тех иже прежде мене державствовавших и хоругви царския правящих скипетра великой России»; в этом случае в Румянцевском списке текст ближе к трем указанным текстам, что может быть связано с поздним составлением самой рукописи; позднее происхождение рукописи может объяснить и определение «хоругви царские», отсутствующее в других текстах. Формула «хоругви правящих скипетра великая Росия» указанных трех памятников соответствует той, которая звучала при вручении скипетра Ивану IV во время возведения на престол: «приим от Бога вданное ти скипетро правити харугви...»[2?]
Вариант Чудовской повести «хоругви правящих православныа

великия Руси скипетр» может говорить о том, что в момент создания первоначального текста никакого упоминания о скипетре в нем не было, но в 40-е гг. XVI в., к которым не только относится написание рукописи, но и создание текста Поставления и, может быть, текстов Царского места, слово «скипетр» было вставлено в протограф, возможно на поле, и в текст Чудовского списка внесено явно не на то место, где должно стоять по смыслу. Кстати, отличие текста в Румянцевском списке, более близкого к тексту Царского места, где хоругви названы «царскими» (этого нет в других текстах), говорит о каком-то редактировании Чудовской повести в 40-е гг. XVI в.

Одной из регалий, вручавшейся Ивану IV при возведении на престол, был скипетр. Эта регалия не входила в состав даров императора Константина, но ее место среди остальных было совершенно особым: скипетр олицетворял власть государя, которая определялась понятием «скипетродержание».

Ивану IV скипетр вручал митрополит после того, как облаченного во все регалии государя возводил на Царское место; при этом звучали слова: «приим от Бога вданное ти скипетро правити хоругви великого царства Русского, и блюди и храни его, елика твая сила»[24]. Очевидно именно в этот момент воплощалась идея возведения на престол: встать на «отчий и дедний» престол, получив при этом власть, перешедшую по наследству от предков, великих князей. И далее роль скипетра как символа власти звучит в «Поучении о полезном» митрополита и его поздравлении великого князя, где определяются роль государя в управлении страной, его моральные качества: «съдержи скипетр и прави хоругви по Божие воли», «поставлен еси велики и боговенчаный царь правити хоругви и съдержати скипетр царства Русского»[25]

Рассказ о победе русских князей под Цареградом практически совпадает во всех памятниках, лишь в Чудовском списке повести великий князь Всеслав Игоревич назван Святославом. Такое же чтение есть в отдельных списках Поставления.

Характерное же расхождение текстов изучаемых памятников относится к ответу бояр на вопрос великого князя: «Кий ми совет против воздаете?» (этого вопроса нет в текстах Царского места)[26]. Ответ бояр, как и начало княжеской речи, имеет два

варианта, представленные в двух парах текста: на Царском месте и в Чудовской повести; в Поставлении и Сказании.

Чуд. повесть	*Цар. место*	*Поставление*	*Сказание, 1*
Сердце царево в руце Божии, яко же пишет (писано есть — Р), а мы есмы в твоей воли, государя нашего по Бозе	Сердце царево в руце Божии, яко же писано есть, а мы есмы в твоей воли, господаря нашего по Бозе	Сердце царево в руце Божии, а мы есмь под твоею властию	Сердце царево в руце Божии, а мы вси есмо в твоей воли

Описание похода киевского князя на Фракию имеет общую канву во всех памятниках и одновременно мелкие различия. «Многоразумные» воеводы есть в тексте Царского места и Чудовской повести; «чиноначальники» в Поставлении и на Царском месте и т. д. Дальше в рассказе говорится непосредственно о посылке даров императором Константином; лишь в тексте Царского места дважды указывается, что они посылаются «в Киев»; в остальных памятниках названо только имя великого князя. Кроме этого, только в Чудовской повести и на Царском месте есть имя «Асия эфесского»; ожерелье, снятое с шеи императора, названо «святыми бармами» в текстах Царского места и Поставления.

Текст на дверцах Царского места несколько короче, чем в остальных произведениях; он кончается словами: «и оттоле и данные тем вещем царьским венчаются велицы князи владимерстии», что может быть связано с ограниченностью площади — дверцы — для его размещения.

Более независимы от письменных памятников сюжеты двенадцати резных пластин, которые в исторической литературе признаются иллюстрациями к тексту Сказания о князьях владимирских. Две первые — совет великого князя Владимира — ближе других ко всем трем памятникам: в надписях к пластинам говорится о том, что великий князь «совет творяше с князьми своими и з бояры», «собирает воеводы искусны и благоразсудны и поставляет чиноначалницы». Но далее четыре пластины (две на северной стороне и две на западной) рассказывают о походе

русских войск во Фракию, которому во всех трех письменных источниках посвящена одна фраза: «и отпусти их на Фракию Царяграда области; и поплениша их доволно, и възвратишася со многым богатьством» (слова «и взвратишася со многим богатеством» — это подпись к изображению на одной из пластин). Еще одна пластина изображает поход царя Константина «на персы»[27]

Изображения последних пяти пластин посвящены совету императора Константина, посылке его даров в Киев и венчанию великого князя Владимире Всеволодовича этими дарами. Об этом венчании ничего не говорится в письменных памятниках. Все это еще раз доказывает самостоятельное значение изображений на Царском месте и позволяет вернуться к вопросу о его датировке.

При анализе текстов не стоит забывать, что при подготовке к венчанию на царство Ивана IV текст для украшения Царского места надо было подготовить заранее, чтобы его могли вырезать на пластинах. Это объясняет его близость к Чудовской повести, самому раннему из существующих памятников. В противном случае текст на передних дверцах должен был совпасть с тестом Поставления — официального документа, который и иллюстрирует Царское место. О такой тесной связи с коронационными документами говорят и рисунки последних пяти пластин Царского места, где передача регалий власти и венчание Владимира изображены с такими же жестами, которые описаны в Чине венчания Ивана IV и, кроме того, изображен скипетр, которого нет среди даров императора Константина. Возможно, на каком-то этапе разработки формулы идеи власти появилось и упоминание о Киеве, которое попало в тексты Царского места и не нашло отражения в более поздних документах Поставления и Сказании, сохранивших окончательные формулировки.

Соотношение исследованных текстов и текст Чина венчания Ивана IV позволяют предположить, что в 1547 г. Царское место стояло в Успенском соборе, а дата письменных источников — 1551 г. — относится к его восстановлению после московского пожара. Но окончательный вывод можно будет сделать лишь после специального изучения Царского места.

Однако уже сейчас можно говорить о следующем соотношении четырех представленных в работе памятников: наиболее ранний текст о посылке даров императора Константина находится в Чудовской повести; Царское место дает промежуточный вариант между повестью и текстом Поставления, написанного в связи с венчанием на царство Ивана IV (1547 г.). Текст Поставления сделал рассказ о посылке даров официальным, что отразилось в тексте Сказания о князьях владимирских. Совпадения этих текстов с текстом Послания Спиридона-Саввы практически отсутствуют.

ПРИМЕЧАНИЯ

Бычкова М. Е. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: воплощение идеи власти государя // Cahiers du monde russe et sovietique. V. XXXIV, 1993. P. 245–255.

[2] См. подробнее: *Бычкова М. Е.* «Дары императора Константина»: из истории русских регалий власти // У источника. М., 1997. С. 282–308.

[3] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

[4] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII в. как исторический источник. М., 1975. С. 32–52.

Зимин А. А. Рец. на кн.: *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских // Советские архивы. 1956. № 3. С. 236–237. В настоящей работе автор использует названия рукописей, данные им Р. П. Дмитриевой Чудовский, Румянцевский и А. А. Зиминым: Чудовская повесть, Волоколамский список.

[6] См. подробнее: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 150–158.

[7] *Щепкин В. Н.* Художественное значение трона // Антология научных трудов Государственного исторического музея. Ч. I. М., 2002. С. 14–19.

[8] *Забелин И. Е.* Трон или царское место Грозного в Московском Успенском соборе // Там же. С. 11–14.

[9] *Бочаров Г. Н.* Царское место Ивана Грозного в московском Успенском соборе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985. С. 42–43.

[10] Там же. С. 43.

[11] *Соколова И. М.* Мономахов трон. М., 2001.

[12] *Gieysztor A.* Spektakl i liturgia. Polska koronacja królewska // Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce póznego średniowiecza. W-wa, 1978; *Бычкова М. Е.* Московские самодержцы. М., 1995.

[13] ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. 77.

[14] Там же. С. 34–38.

[15] Там же. С. 36–37.

[16] Там же. С. 69, 70, 77, 78.

[17] *Бычкова М. Е.* «Дары императора Константина». С. 284–287

[18] ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. 75.

[19] Там же. С. 85.

[20] *Соколова И. М.* Указ. соч. С. 61; *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 182.

[21] *Дмитриева Р. П.* Указ. соч. С. 182; *Соколова И. М.* Указ. соч. С. 61.

Дмитриева Р. П. Указ. соч. С. 176, 182–183, 197; *Соколова И. М.* Указ. соч. С. 65.

[23] ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. 78.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 80.

Дмитриева Р. П. Указ. соч. С. 176, 183, 198; *Соколова И. М.* Указ. соч. С. 66.

[27] *Соколова И. М.* Указ. соч. С. 64–65.